

В ПРЕДЛАГАЕМЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Одна картинка, одно воспоминание, которое безотвязно преследовало её всю жизнь: они с бабушкой на кухне, ей годик или два, к ним заходят какие-то шумные люди, они что-то говорят беспрестанно, шарят по кастрюлям, и какой-то дяденька с ружьём за спиной, в солдатских обмотках, наступает на куклу, её любимую куклу, даже не заметив, растерзав, растоптав любимицу...

Потом бабушка подтвердила: было. Заскочили в Сувалки, это харьковщина, зелёные, и объели их в тот раз. Всё, говорила, подмели, до крошки. Но людей не трогали

С тех пор все недруги – враги имеют для неё зелёный цвет. И, по жестокой иронии судьбы, даже змей, который её растоптал, в народе зовётся зелёным.



Валентина Васильевна Серова прожила жизнь, которую вполне можно назвать трагической. Но сквозь трагизм очень сильно просвечивает заданный курс. То есть, она сама этого хотела, сама дала ему зелёный свет. Да что там – зелёный свет! Своими руками все сделала. Но сделала она это, по большей части, бессознательно, интуитивно, как-то очень уж иррационально. Даже диву иногда даёшься. Хотя, если попристальней взглянуть в эту шальную жизнь, то всё становится ясным – иначе и быть не могло.

Ума там было мало. Чувство, чувства – оно, они, и только они, доминировали в поступках Серовой. И характер. А характер был пожизненно какой-то... ну, мягко говоря, инфантильный. Всю жизнь она любила врать. Это было плотью и кровью, неосознанной потребностью, её частью. Она стоит летом у открытого окна. Потом отходит и грустно говорит: «Боже, какой ливень на улице!» Её собеседник, уверенный, что дождем на улице и не пахнет, всё же подходит к окну, и удостоверяется, что там летний зной. Ни капли с неба. Он хорошо знает её, и потому не удивляется.

А теперь вспомним, что вся её жизнь – театр. Жизнь Мельпомены на земле вся устроена из людских фантазий, из того, чего, по большей части, в реальности не существует. Так что, можно сказать, что профессия была неотъемлемой частью всей жизни Серовой. Неотделимой от неё. И это, как нынче модно говорить, многое объясняет. И это же несёт в себе некоторую опасность для субъекта.

Кстати сказать, не у всех, но у некоторых, может, самых ярких, лицедеев, характеры из ролей – тоже некоторых, и тоже, разумеется, самых ярких – входят в кровь, становятся их сутью. Да и сам театр сильно влияет на личность. Мама, Клавдия Михайловна Половикова, печально подтверждала это наблюдение.

Клашетенчик - так её звали в семье – была актрисой всегда и везде. И неплохой, кстати, актрисой. Как-то один из серьезных и знаменитых режиссеров той поры заметил: «На сцене я ей многое прощу. Но как только она с неё сходит – с глаз долой!» А все – театр. Привычка к людскому повышенному вниманию, отрицательно сказывающаяся на поведении не самой умной по жизни женщины, приводила иногда к трагикомическим эпизодам. Вот сцена из жизни. Сидит Клашетенчик в гостинице южного города, намотав по многолетней привычке на голову тюрбан из подвернувшегося под руку намоченного холодной водой нижнего белья, голова трещит после вчерашнего, и томно говорит по телефону: «Как?! Вы не знаете кто с вами говорит! Это Клавдия Половикова, ваша народная актриса. Мне срочно, голубчик, такси...»

Дочь Клашетенчик практически не воспитывала. Может, и к лучшему. Потом её зять, которого она, кстати сказать, очень ценила за популярность, Константин Михайлович Симонов, довольно жёстко изобразил Половинову в своем романе «Живые и мёртвые», по куркульски дрожащей над мешком сахара, в военную пору – почти что сундуком с драгоценностями. А вообще, старшее поколение помнит Клавдию Михайловну по роли полубезумной старухи из фильма «Судьба барабанщика» по Гайдари. Такой она и в жизни была.

В это трудно поверить, но когда наступили в жизни её дочери лихие годы, Клавдия Михайловна сама (!), годами мучаясь от сжирающей её зависти к театральным успехам дочери, обзванивала главрежей московских театров с просьбой не давать «беспутной» Вальке работы. Это уже не вредный и подлый характер. Это уже, воля ваша, неадекватность какая-то. Точно – полубезумная старуха.

Правила театрального бытия как-то очень плохо накладывались на бытие настоящее. Выйдя на сцену в 15 лет, Валентина Серова, конечно же, поддалась её коварному обаянию. Жизнь казалась сказочным приключением, и она её ещё долго представляла только такой. Что, в конечном счете, и подвело под монастырь.

Хотя, объективно, любой из нас, оказавшись на её месте в конце тридцатых, скорее всего, именно так бы её и воспринимал. Романтика вошла в повседневность этой успешной и красивой талантливой молодой женщины властно и, казалось, навсегда. Страну потрясала слава летчиков, и самый геройский из них, Анатолий Серов, ас, один из первых Героев Советского Союза, познакомившись с Валею на майской вечеринке, через пару дней сделал предложение. Ну, скажите, у кого бы кругом голова не пошла от такого происшествия...

И она кружилась. Со всех сторон счастье начинало затапливать Валентину. Театр, мужественный муж, настоящий мужик...

И он действительно был настоящим мужиком – таким, каким его представляет большинство женщин. Он был тверд и, порой, жестковат, не только в небе. Бывало, если что-то не нравилось ему в поведении молодой жены, а такое случалось частенько, богема сидела на хвосте у этой очаровательной женщины, получала Валентина хорошую затрещину. Поплакав, выходила опять в «залу» со светящимися от счастья глазами... Серов же относился к этому спокойно, таков был уклад его предыдущей жизни. Обычной русской патриархальной жизни. С небольшой поправкой на время. И Валентина утонула в этом океане мужественности, спокойствия и брутальности Серова. Скорее всего, это был её женский эталон мужского поведения. Хотя, не только её. Психоз был массовым. Это широкое русское открытое лицо с откинутыми назад русыми волосами... Модная лётная кожанка, под которой Звезда Героя... Заслуженная в реальном бою, в Испании, с её якобы «безоблачным небом», которое пытались нахмурить фашисты!

Коротко говоря, это был тот редкий случай, когда форма соответствовала содержанию. Слабели коленки у многих красавиц. После него мало было таких мачо. На вскидку вспоминаю лишь генерала Лебеда. Что-то похожее. А тогда, пожалуй, лишь Чкалов мог быть конкурентом Анатолия. Конкурентом в совершении подвигов. Но Чкалова не было в Испании. В общем, в непобедимом обаянии Героя тонула вся страна. Но если после страна быстро выплыла, то Валентине Васильевне суждено было остаться в этом плену навсегда.

Это так. Никто уже, и никогда, больше не дал ей этого ощущения полной победы – полной, безоговорочной – над просто суетой и всяческой суетой. А Серов дал. Она впитала его в себя целиком и полностью. Навсегда. И это погубило её жизнь. Да, всё было по Станиславскому: «Не изображать образы и страсти, а действовать в образах и страстях».

В предлагаемых обстоятельствах. Которые формирует время. Хотел сказать – во

многом. Да нет, не во многом - во всём. Время было необычным. Страна гремела на весь мир. Валентина, абсолютная «секси» для того времени «Девушка с характером», гремела в стране. Истребитель зла, непобедимый летчик Серов, ну никак не отставал в этом драйве. Даже, скорее, обгонял. Конечно, это было уникальное мировосприятие. Скорее всего, в жизни человеку (причем, не каждому) оно даётся лишь раз. Второй – уже не то. Каким бы не был второй шанс удачным, он – второй. А первый уже никогда не даст покоя. Так оно и оказалось. Трагедия случилась исключительно благодаря характеру мужа. Его уверенности в себе, и, отсюда, некоторой бесшабашности. Но не будем забывать, что он был одним из самых талантливых лётчиков своего времени. И, ему казалось, многое мог себе позволить – так как он же первый!

Они выполняли с Полиной Осипенко обычный учебный полет, так положено, даже асам, для их же пользы, чтобы тело помнило самолет. Полина сидела в передней кабине, она в этом полете была инструктором. Анатолий на сверх малой высоте начал выполнять фигуры высшего пилотажа, что категорически нельзя делать никому – ни асам, ни простым лётчикам. Природа, она ведь не разбирается, кто тут её пытается нарушить. Полина, достаточно опытный и, что несомненно, смелый человек, чиркнула записку и передала её Серову. Он, не глядя, сунул её в карман куртки – потом, мол, прочитаю. После чего они вошли в пике, из которого Серов не сумел выйти, не хватило высоты, и разбились. В записке, которую потом прочитали, была одна фраза : «Толя, не балуйся».

Характерно, что Ворошилов, редактируя протокол заседания Политбюро, которое было посвящено гибели Серова, Осипенко и Чкалова, вычеркнул много слов из речи Сталина. Вождь был в ярости.

С этого момента первый шанс Валентины был утрачен навсегда. Такое повториться не могло, а на меньшее она была не согласна. Да. Все же, как ни банально это прозвучит, жизнь потихоньку брала своё.

Приходилось с этим мириться. Но нужно прямо сказать, что гибель первого мужа и есть истинная причина её дальнейшего поведения. И, как результат, ранней смерти. Хотя противоречий в жизни Валентины Васильевны – пруд пруди. С другой стороны, возьми любую судьбу, везде они есть. Но Серова была на виду. Трагедию переживала вся страна. И она это чувствовала и понимала.

Наступало время второго шанса. Появился Симонов, которому Валентина с самого начала... начала трепать нервы. Упорный поэт добился своего. Но, мне кажется, впоследствии сильно пожалел об этом. Причина была ясна, как божий день. Валентина не любила сдержанного в жизни Константина Михайловича. Но он так воспитан был с детства, отчимом – военным, и перемениться, конечно, не мог даже ради любви к Валентине. Система Станиславского перестала действовать, приходилось изображать, что есть любовь. Валентине, как истинной актрисе, интуитивно это не нравилось. Но обстоятельства так сладывались: война, маленький сын, растерянность от происшедшего... А потом знаменитые «Жди

меня». Народ был в упоении, Симонова боготворили все – солдаты, офицеры, гражданские. Она сдалась.

Но сначала, вроде, большой беды не наблюдалось. Жили как все. Рутинно, буднично, обыденно. Симонов, после военной романтики, стал забубенным «литературным генералом». Стихи он забросил. Писал сдержанную военную прозу. Он действительно был продуктом сталинской эпохи. Сболтнёшь лишнее, тюрьмы не миновать. Да ему и самому не нравилось болтать лишнее. Сталин это знал. И он любил литератора. Может, всё это вместе, как раз, в противовес всему необычному, шальному и бесшабашному прошлому, и подточило её в конце концов. Однажды только мелькнуло что-то, напомнившее ей её любовь к Анатолию.

Да, это был Рокоссовский.

Но тут все банально: на самом деле Константин Константинович, большой любитель женского пола, был смертельно, навсегда, предан жене, не отказавшейся от него, когда дядюшка Джо на несколько лет упрятал brave военного в кутузку. И для него Валентина, это был мимолетный эпизод, тем более, фронт ждал. Он уехал и забыл про неё. Никаких разбирательств по этому поводу, как нам рассказывают мифы, у него с Верховным главнокомандующим не было. Тем более, что на войне его ждала ещё одна любимая, врач по профессии. Короче, не до актрисы было Рокоссовскому.

Это был удар. Она-то, как раз, почувствовала в нём то, что искала в мужчинах после Анатолия. Но ничего не помогало. Письма возвращались назад непрочитанными. А однажды ей вернула фотографию, где Валентина была запечатлена с сыном, сама его жена. Серова послала её любимому на передовую с письмом, в запечатанном конверте, с оказией, через знакомого.

"Знакомым" был муж, фронтовой корреспондент «Красной звезды» Симонов. Кстати, ему она всё рассказала в первый же момент, ещё до начала романа. Как почувствовала, так и рассказала. Вот такая вот происходила чертовщина. Как поёт современная, правда, певица, как тут не взяться за стакан. Но тогда она сдержалась. Хотя всё стало вокруг чёрным и железно-серым. На этом безрадостном фоне и поженились Валентина Васильевна и Константин Михайлович. Шёл сорок третий год, шла война, и, выражаясь терминами того времени, мина в этих отношениях была заложена в самом начале.

Взрыв произошёл только через несколько лет. Надо сказать, что до войны Валентина Васильевна почти не пила. Пригубливала за компанию. Адреналина было столько, что никакого допинга не требовалось. Всё начиналось, конечно, в трудные даже для неё военные годы. Валентина Васильевна была рождена, просто по факту, очень добрым и чувствительным человеком. И, конечно, она сильно переживала любое значимое событие – в личной ли жизни, в жизни страны. Все её подруги по театру прикладывались, событий для этого было много. Постепенно, с ними оказалась и Серова.

Алкоголизм очень коварен. Никогда больной не замечает, что он уже пришёл к нему. Серова не была исключением из этого жестокого правила. Но жизнь после войны внешне была куда как счастливой. Полная занятость в театре, знаменитый муж – поэт – фронтовик, съёмки в фильмах. В 50 году родилась дочь Маша. Всё это чистая правда, и всё это такая же неправда. Не было дня, чтобы Валентина не вспомнила о своём Толике Серове, или о Косте Рокоссовском. С этим ничего нельзя было поделать. Но можно было отвлечься. Семья тут не помощник. Друзья, подруги – тем более. Остается только портвейн, надежный молчаливый... собеседник. Так второй шанс тоже начал таять на глазах. Она растеряно наблюдала, как время, её время, утекает прочь. И куда-то исчезают, растворяются, её любимые мужчины.

Даже Симонов, реальный и настоящий, постепенно превращался в невидимку. Он же не чувствовал – знал, что с ней происходит. И старался как можно реже сидеть дома. Мотался по свету, представлял на разных международных форумах советскую власть и литературу. А её за пьянство начали увольнять из театров.

- Ты куда на этот раз? В Японию! Ну и ладушки. А мы тут, в Переделкино, посидим немного. Все свои, все свои...

- Пьёт да гуляет, - говорили про неё дачные помощники, домработницы, садовники, - так што? Рассея, куды ж без этого... Нонче ночью-то прямо в платьюшке в пруд сиганула. Тоска у хозяйки.

Образно говоря, из «С тобой и без тебя», поэтического сборника, покорившего когда то всю страну и вождя («Надо издать два экземпляра. Один для неё, второй – для него»), оставалось только «без тебя».

Душа шла вразнос, немалую роль здесь сыграл синдром «золотой клетки».

Всё это кончилось тем, что Константин Михайлович просто оставил её. Валентина висела тяжёлым камнем на шее. Ни жить, ни работать, рядом с ней, было уже невозможно.

И ещё это чёртово знание, отчего у неё эта грусть-тоска, которую только вином залить можно. По её мнению. А по его мнению, это были человеческие слабости, которые сильный человек может преодолеть. Но, если назвать вещи своими именами, все сводилось к тому, что надо «забыть прошлое». За этим стояло жалкое: «Полюби меня».

И тут нашла коса на камень. Она пила всё больше, и сама не заметила, как душевный кризис превратился в физиологическую потребность. Все это тянулось годами. И он, немногословный и справедливый, как миллион немых укоров, просто перестал обращать на неё внимание, а потом бросил.

Но перед этим была, конечно, упорная борьба с болезнью. Несколько раз Валентина лечилась в клиниках, с его подачи, выходила, держалась год, два, а потом срывалась. Водка оказалась непобедимой.

Всё же Симонов помогал ей – и деньгами, и каким-то, пусть уже минимальным, но участием. В конце концов она его всё же достала. Сидела и орала, пьяная

вдрабадан, чтобы он начал писать ей стихи. Как тогда. Когда «Жди меня». Он плюнул, и старался больше не видеть её. Теперь Валентиной занимались его помощники. Так она осталась одна. Дочь забрала к себе Клаштончик: «Пока не придёшь в себя».

Каждый день дома появлялись собутыльники. И когда не хватало денег, продавали мебель.

Всё кончилось. В том числе жизнь по системе Станиславского. То, что происходило с ней тогда, трудно вообще как-то назвать. Каждое утро начиналось с мысли, где добыть деньги на заветную бутылку. Жильцы дома, помнившие разноцветное облако, источающее дорогой парижский парфюм, порхающее от парадного к открытому «Виллису»: «На репетичку!», теперь каждый день наблюдали за сухим измождённым существом, добирающимся через двор до двери на четырех точках.

Но она добилась своего. Душа перестала болеть. Она перестала думать о своих ненаглядных. Утром, с похмелья, было ни до чего, потом появлялись собутыльники, все почему-то зелёного цвета, и начиналась совсем другая жизнь. Но ей было уже всё равно.

В свой штопор Валентина вошла в одиночестве. Она упала, ударилась виском об угол чудом сохранившегося буфета, и умерла.

Хотя врачи поставили диагноз: «Сердце не выдержало».

* * *



P.S.

Дама с собачкой пришла домой под утро. Муж, не выдержав ожидания, съел горячий ужин, запил жаркое шампанским, выкурил сигару, переоделся в парадный мундир, лёг на постель, и пустил пулю в лоб.

У нас были замечательные писатели. И была замечательная страна. И всё куда-то подевалось.

Сегодня он бы ей просто дал пиздюлей, допил водку, достал ещё, лёг спать на кушетке на кухне. Спал бы нервно, хрипя и крича что-то, просыпался, выпивал, опять ложился. Утром, куря и кашляя, не замечая подругу, замазывающую гримом синяк, завел мотоцикл, с угрюмым лицом уехал на работу. Единственное: у нас есть хоть что-то вспомнить. А в какойнибудь кичливой и хитрожопой Америке такого отродясь не было, и быть не могло. Но, увы, после 17 года мы стали немного похожи. Немного. Но и это досадно. Впрочем, на всё воля Божья. Он дал, он взял, он, может, ещё даст. Но тут главное на это надеяться, а самим не плошать. Вот какие горькие летнеутренние мысли вызвала фотография моего давнего друга Узбекиова. А что? Пойди по нему пойми, бурят он или узбек. Да и не в этом дело. Дело в том, что талантлив без меры. Но по восточному осторожен.